

**Из электронной переписки А.С. Немзера и Б.А. Каца:
«Матренин двор» и «пяток камерных романсов» Глинки**

Нам хотелось, чтобы в подборке, посвященной памяти Андрея Семеновича Немзера, прозвучал и его голос. Поэтому мы печатаем здесь его переписку с музыковедом Борисом Ароновичем Кацем. Весь обмен письмами уложился в один день — 4 февраля 2013 г., но темы, в нем затронутые, гораздо шире, чем формальный повод — разбор рассказа Солженицына с филологами-первокурсниками Высшей школы экономики, — и представляют далеко не только мемориальный интерес.

От редакции

А.С. Немзер — Б.А. Кацу

Дорогой Боря!

Неловко тревожить Вас из-за такой ерунды, но все же решился. В «Матренином дворе» (финал первой главки) героиня, прежде оставшаяся недовольной Шаляпиным, трогательно реагирует на романсы Глинки (концерт по радио). Как Вы думаете, кого из исполнителей могли слушать Игнатъич и Матрёна осенью 56 – зимой 57 г.? Или это вообще не важно? Озадачился (и дергаю Вас) я потому, что в этом семестре вместе с Лекмановым* читаем с первокурсниками этот рассказ «по словам» (хорошо, не по ролям). Если вопрос мой множит сущности без надобы, пожалуйста, не гневайтесь.

С самыми добрыми пожеланиями

Всегда Ваш А. Немзер

* Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 №255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным контролем» 25 октября 2024 года включен в Реестр иностранных агентов в России.

Б.А. Кац — А.С. Немзеру

Дорогой Андрей!

Попытка ответить в приложении. А что ж вы с Олегом так крупно читаете — по словам? Почему не по слогам?

Впрочем, меня всегда обвиняли в микроскопизме, поэтому желаю успехов.

Ваш
БК

[Приложение]

Дорогой Андрей,

Спасибо, что помните. Если я правильно понял, речь идет о следующем фрагменте.

Исполнял Шаляпин русские песни. Матрена стояла-стояла, слушала и приговорила решительно:

— Чудно поют, не по-нашему.

— Да что вы, Матрена Васильевна, да прислушайтесь!

Еще послушала. Сжала губы:

— Не. Не так. Ладу не нашего. И голосом балует.

Зато и вознаградила меня Матрена. Передавали как-то концерт из романсов Глинки. И вдруг после пятка камерных романсов Матрена, держась за фартук, вышла из-за перегородки растепленная, с пеленой слезы в неярких своих глазах:

— А вот это — по-нашему... — прошептала она.

По моему скромному суждению, сопоставляются здесь не Шаляпин и какие-то иные певцы, а фальшивый разудалый стиль а ля русс, которым Шаляпин действительно злоупотреблял и «голосом баловал», и строгий классицистский стиль камерных романсов Глинки. Романсы Глинки в то время по радио пели многие, всех не перечислишь, но навскидку — тенора Козловский, Лемешев, Виноградов, басы Гмыря, Рейзен, Михайлов, сопрано Обухова, Нежданова, Долуханова, а еще многие и многие. Среди них была и уникальная пара, записи которой тоже иногда звучали — это Нина Дорлиак в сопровождении Святослава Рихтера (до 1960 г. не имевшего мировой известности). На мой слух лучше них романсов Глинки не исполнял никто — они уж точно не «баловали». Не исключено, что АИС мог

их заприметить. У него слух был, насколько я могу судить, очень цепкий. Но утверждать что-либо определенное не могу.

И уж совсем оценочно и субъективно. В цитированном абзаце вероятно только одно — неприятие Матреной шалапинского исполнения русских песен: разговор долгий, но Шаляпин не знал крестьянского фольклора и не слышал, как теперь говорят, аутентичных исполнителей. Он исходил из переделок крестьянских песен в городском фольклоре, а если говорить еще точнее — в слободском (термин большого знатока этого дела Виктора Аркадьевича Лапина, моего друга). Вся его манера исполнения — оттуда. Это то, что пели фабричные, мастеровые, мещане, приказчики etc. etc. Отсюда и выходили такие кумиры, как в частности, Н. Плевицкая, которую, думаю, Матрена тоже бы «нашей» не признала, но которую все от Шаляпина и Николая Второго до Набокова считали образцово народной певицей. И она, и Шаляпин пели замечательно в своем роде, но русские крестьяне пели иначе. Так что неприятие Шаляпина — деталь вполне реалистическая.

А вот в «растепление» от «пятка камерных романсов» Глинки я, хоть убейте, не верю. Это так же фальшиво, как и сам «пяткок» — не яиц, а камерных романсов. Здесь эстетический манифест тех самых «шестидесятнических» образованцев, на которых потом АИС так яростно обрушивался: ценна не подделка под народный стиль, а рафинированное возвышение его до уровня классики.

У меня малый опыт фольклорных экспедиций, но кое-какой есть. Кроме того у меня много друзей-фольклористов, и по сей день регулярно работающих «в поле». Я с юности слышу их рассказы. Поэтому возьму на себя смелость сказать: никакая профессиональная музыка не воспринимается слухом, воспитанным на фольклоре, как своя. Да и фольклорная в исполнении псевдонародных певцов не воспринимается тоже. Если верить тексту рассказа, то Матрена до вселения Игнатъича и радио не слыхивала. Значит весь ее слуховой опыт — это то, что поют вокруг. А что и как поют — хорошо описано в сцене поминок. Слух, воспитанный на такой традиции (говоря умными словами — гетерофонной, многоголосной, натурально-ладовой и проч.) не воспримет заточенные под самые тонкие образцы классицистской и раннеромантической лирики романсы Глинки (голос в сопровождении фортепиано!) как нечто звучащее «по-нашему». Это не Матрена вознаградила жильца-образованца, а сам АИС вознаградил тот слой читателей, к которым он обращался (не без воздействия жены-музыкантши?) и от которых впоследствии оторкся. Не сердитесь, пожалуйста, я очень люблю этот текст, но

с первого прочтения именно этот абзац казался мне единственным в нем провалом (из суровой реальности в расслабленную интеллигентскую дрему). Не исключено, конечно, что я ошибаюсь.

Всегда буду рад Вашим письмам.

Всех Вам благ.

Ваш
БК

А.С. Немзер — Б.А. Кацу

Дорогой Боря!

Огромное Вам спасибо. Сердиться мне совершенно не за что. Неужели Вы думаете, что я воспринимаю всякое замечание в адрес Солженицына как «святотатство»? Честное слово, я не псих. И отлично понимаю, к примеру, что Вера Воротынцева (хоть и библиограф Публички) едва ли могла читать «Житие одной бабы» Лескова (после первой публикации в 1850-х в «Библиотеке для чтения» не переиздавалось — до советских времен), а историк (!!!) Андозерская уж точно не могла в марте 17-го сокрушаться, что, мол, у нас все от царя отшатнулись, а во Франции Шенье революции противился (вполне себе он на первых порах заварушку приветствовал). Накладки (разного рода и по разным причинам возникающие) есть и в «Круге», и в «Корпусе» — как есть они и у Толстого, и у кого угодно. Обсуждаемый фрагмент (в части Глинки, а не Шалапина) меня тоже настораживал (коли не сказать — царапал). После Вашего комментария стало понятно «до конца». Кажется, что, кроме прочего, тут есть отсылка к «Певцам» Тургенева; ср. описание певческой манеры рядчика и именование его *tenore di grazia, tenor leger* — в контрасте с «русскостью» Якова Турка. Ход, может, бессознательный, а может и нет — в рассказе вообще много тургеневского, начиная с его упоминания при появлении «Торфопродукта». Думаю, Исаич не столько сознательно хотел потрафить интеллигентным читателям (все же «Не стоит село без праведника» сочинялось в 59-м, еще без ясного прицела на публикацию), сколько сам разделял их настроения-чувства. И Н.А. (Наталья Алексеевна Решетовская. — *ред.*) тут вполне могла «сработать». Ему хотелось еще и так «облагородить» Матрону — это, как мне кажется, созвучно Тургеневу «Записок охотника», увидевшему в Хоре и Калиныче — Гете и Шиллера (потом снял), в Бирюке — байронического героя и т. п. (ср. грех праведницы Матрены). Что же до позднейших отношений А.И. с «образованцами»,

то это длинный и отдельный разговор. Много там напутано было. Думаю, что с обеих сторон.

Еще раз огромное спасибо. Помню я о Вас отнюдь не только в «музыкальные моменты», а переход на чтение по слогам (буквам и звукам?) входит в ближайшие творческие планы.

С самыми добрыми чувствами

Неизменно Ваш
А.Н.

Б.А. Кац — А.С. Немзеру

Дорогой Андрей!

Вовсе я не держу Вас за фаната Солженицына, но знаю, что энтузиазм (в Вашем случае совершенно оправданный и плодотворный) иногда раздвигает границы доверия к изучаемому автору до невероятных пределов. Рад, что у Вас этого нет. И хорошо, что я удержался от соблазна сослаться на упоминание Тургенева с характерным «Ах». Я тоже подумал, что в подтексте — «Певцы», но рассудил, что не мне Вам на это указывать. И оказался прав!

А что до чтения по звукам, то по мне хоть по клюквам, только бы они научились читать. Так что спасибо за письмо — я кисну, а Вы меня растолкали. Всегда буду рад расталкиваться.

Ваш
БК

А.С. Немзер — Б.А. Кацу

Дорогой Боря!

Вовсе не ради игры в «двух вежливых жучков» должен сказать, что меня очень порадовало наше совпадение относительно «Певцов». Мне это важно в связи с другими тургеневскими подтекстами рассказа («Живые мощи», «Смерть», «Бирюк», кое-что из *Senilia*). Вроде бы сущие мелочи, но складываются в систему. Вообще же литературный пласт (фон) «Матренина двора» оказывается весьма широким. И отнюдь не только «почвенным».

Касательно звуков-клюквов-брюквов как не согласиться! Но как же это худо получается. Даже хорошие дети, т. е. те, что действительно смотрят в книгу, видят зачастую даже не фигу, а еще более экзотические плоды.

Ваш А.Н.

Б.А. Кац — А.С. Немзеру

Дорогой Андрей!

Не могу не согласиться. Но по склонности видеть худшее полагаю, что надо радоваться хотя бы тому, что все-таки смотрят и все-таки в книгу. Поможем, чем можем, хотя и не спасем.

Ваш
БК